

ВСТУПЛЕНИЕ

Я писал эту книгу долго. После каждой главы останавливался и думал: кому это нужно? Воспоминания человека, который сегодня не занимает крупную должность, не является выдающимся артистом, научным деятелем, писателем — то есть человеком, к которому я сам бы испытывал глубокое уважение. Не является и политиком — к людям этой профессии я отношусь гораздо более настороженно.

Мое место службы — Национальная ассоциация телерадиовещателей (НАТ), я занимаюсь проблемами федерального и регионального ТВ. Мы помогаем региональным телевизионщикам «добираться» до зрителя оптимальными маршрутами.

Вместе с Александром Широких, генеральным директором НАТ, и при поддержке Общероссийского народного фронта (ОНФ), Союза журналистов и Министерства цифрового развития в лице Алексея Волина мы «продавили» законы о 21-й, а потом и 22-й кнопке, которые поддержали существование региональных каналов

ВСТУПЛЕНИЕ

в кабельной сети. Развитием других каналов НАТ активно занимается в интернете.

Один из приоритетов нашей ассоциации — помощь ветеранам. Сергей Николаевич Кононыхин, в прошлом спортивный комментатор, один из руководителей Центрального телевидения, возглавляет работу общества поддержки ветеранов российского телевидения, которое получает щедрые денежные пожертвования от ВГТРК, Первого канала, НТВ.

Я не вмешиваюсь в содержание современных телевизионных программ. Напротив, меня восхищают многие фильмы и сериалы на российских каналах, я с удовольствием смотрю канал «Культура», многие тематические каналы. Но есть и то, что меня шокирует. Это прежде всего так называемые ток-шоу, «аналитические» передачи. Есть ли смысл вступать мне в полемику с Норкиным или Соловьевым? Нет, их никто не переубедит, я это знаю.

Я просто делаю то, что считаю своим вкладом в телевидение. Это семь документальных фильмов «Мистические путешествия с Эдуардом Сагалаевым», цикл бесед «Мудрость идиота» с такими людьми, как Паола Волкова, и еще рядом ярких личностей. Да, они не вышли на больших каналах, но еще вопрос, кто от этого потерял. Зато у меня есть своя аудитория, которую я искренне уважаю.

Я могу быть интересен своими друзьями. Людьми, с которыми я вырос. Людьми, которые учили меня. И людьми, которых уже я учил сам. Удивительно, они до сих пор меня пом-

нят и благодарны за ту школу, которую у меня прошли. Когда-то давно под моим крылом начинали работать нынешние руководители крупных ТВ-каналов.

И сегодня уже я могу обратиться к ним со своими проблемами и вопросами, и они помогают мне и продолжают каждый год поздравлять с днем рождения.

Когда-то я занимал высокий пост — чем выше у человека должность, тем больше людей записывается к нему в друзья. Но и сейчас количество друзей у меня практически не убавилось. И я очень ценю каждого из них. Константина Эрнста, Олега Добродеева, Романа Петренко, Александра Акопова, Кирилла Легата, Антона Златопольского, Манану Асламазян, Аркадия Майофиса, Оксану Барковскую, Рифата Сабитова. Я дружил и дружу с людьми, невзирая на их положение в обществе, изменения в биографии и изгибы карьеры. Никогда не забуду Михаила Лесина и других рано ушедших от нас коллег и друзей.

Я дружу с Алексеем Волиным, Михаилом Сеславинским, Владимиром Григорьевым — сейчас они во власти. Но я помню их еще с тех времен, когда мы все были — Леша, Миша, Вова, Эдик...

Однажды Леонид Парфенов подарил мне диск со своими фильмами с надписью — «от птенца Сагалаевского гнезда». Не скрою, мне это польстило. Знаю, и другие талантливые, успешные люди считают себя такими «птенцами». Я часто вспоминаю Игоря Шестакова, главного продюсера телеканала «Россия 1», Михаила Пономарева,

ВСТУПЛЕНИЕ

который работал главным редактором «Вестей», Дмитрия Диброва, Олесю Фокину, Андрея Кнышева, Дмитрия Киселева — они очень разные, но о годах работы с каждым из них у меня остались только приятные впечатления.

Очень уважаю Ирину Петровскую — она всю жизнь пишет о телевидении. Арину Бородину — я беру с нее пример как с человека с активной жизненной позицией. Александра Карпова — с ним мы сдружились много лет назад, когда он работал в Красноярске. Потом мы уже вместе работали в НАТ, а сейчас Саша живет в Испании. Мы дружим с Олегом Урушевым, который сейчас живет в Москве и занимается кино, — один из его самых известных фильмов — «Тобол». А сблизилась мы еще в 90-е годы, когда наш канал ТВ-6 проводил фестиваль «6 дней ТВ-6 в Сургуте» — и Олег был «принимающей стороной».

Александр Любимов, Иван Демидов, Александр Пономарев, Владимир Молчанов — это люди, рядом с которыми прошла большая часть моей жизни.

Это Ирина Червакова, Александр Полещук, Владимир Егоров, с которыми мы знакомы со времен комсомольской молодости. Это Виталий Игнатенко — он был вице-премьером Правительства РФ, гендиректором ТАСС.

В моей деревне Протасово растет уральская рябина. Ее маленьким саженцем подарил мне Игорь Мишин — тот самый, что основал независимый 4-й канал в Екатеринбурге. Он не имел отношения к телевидению: торговал древесиной, а после — открыл сеть видеосалонов. Но

его увлекло телевидение — и 4-й канал Екатеринбург стал эталоном для многих. Сейчас Игорь Мишин руководит видеопроектами в крупной компании МТС, он известный в России кино- и телепродюсер.

Бывший связист Андрей Григорьев построил в Казани телевышку для своего ТВ-канала. Сейчас он владелец крупного регионального медиахолдинга, куда входит и ТВ-канал, и радио, и газета, и даже компания по строительству телевышек.

Михаил Микшис первым провел в Сочи кабельное телевидение, основал местную независимую телекомпанию... таких людей, открывавших тогда собственные ТВ-каналы, — десятки. Когда я в 1994 году стал президентом Национальной ассоциации телерадиовещателей (в те времена она называлась по-другому), то увидел, как много в нашей стране фанатов телевидения, причем — высокопрофессиональных фанатов. И как непросто складываются у них судьбы.

Кстати, стать президентом НАТ мне предложил новосибирский журналист и медиаменеджер Яков Лондон. И его судьба очень показательна для тех, чей профессиональный расцвет пришелся на 90-е годы. Талантливый журналист, он в 1998 году пережил покушение. Шесть пуль. Одна из них пробила позвоночник. Яков выжил. В 2002 году получил премию ТЭФИ. Но до конца жизни передвигался лишь на инвалидной коляске.

В числе моих друзей — и люди, с которыми мы познакомились на тропе познания человека и мира и, что важнее всего, — души человеческой.

ВСТУПЛЕНИЕ

Это Станислав Гроф — родоначальник трансперсональной психологии. Ему в 2021 году исполняется 90 лет, но он активно работает в США. Это Владимир Майков — виднейший представитель трансперсонального сообщества в России, ученик Грофа. Это суфий Сергей Москалев.

Очень многие и очень разные люди — мои друзья. И в этом кругу мне интересно и радостно жить.

Но самое главное — у меня замечательная жена. Я никогда не говорил об этом вслух, но сегодня должен сказать — очень многим в жизни я обязан ей. Она терпит меня уже более 50 лет. Любит и терпит. А я очень непростой человек в браке. Но у жены хватило сил, чтобы жить со мной так долго.

У нас замечательные дети — Миша и Юлия, чудесные внуки.

Я не знаю, сколько мне еще отмерено, но стараюсь прожить оставшиеся годы с чувством собственного достоинства и с ощущением, что моя жизнь была не бесполезной. Какой она была? Об этом — моя книга.

Я благодарен всем, кто помог мне ее написать: друзья, и ваши советы, и ваша критика были бесценны. Кроме того, благодарю Светлану Иконникову, которая помогла мне с литературной обработкой книги.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Двор

Э то был обычный самаркандский двор. Его окружали дома: один на две семьи, другой — на три, третий — на одну. А внутри домов был он — двор. Центр, куда стекались все дети, слухи, разговоры.

Из нашего двора выносили гроб с телом моего дедушки. Осторожно поставили на грузовик, опустили у машины борта. Традиция Самарканда: всех покойников везли на кладбище в открытых гробах (желающие могли посмотреть на усопшего) на грузовиках с откидными бортами. У изголовья сажали маленьких внуков.

Меня, семилетнего, тоже посадили возле гроба. Я смотрел на лицо дедушки — совсем не такое, каким было в жизни. Смотрел по сторонам. И чувствовал, как на меня смотрят сотни глаз.

Похороны в Самарканде становились культурным событием: грузовик, украшенный лентами и цветами гроб, оркестр, играющий траурный марш Шопена... На них собирались, как на шоу.

Процессия шла через весь город и завершала свой ход на улице Коммунистической, упирающейся в кладбище. Но пока мы двигались по ули-

ГЛАВА ПЕРВАЯ

цам, меня охватило чувство, которому не найти определения, пожалуй, ни в одном языке мира. Это был заполняющий душу восторг: я чувствовал, что стал центром внимания, что на меня смотрят, мне сочувствуют. И в то же время — леденящий ужас непонятного происхождения.

Я случайно коснулся лба дедушки — и отдернул руку. Его лоб был холодным. Намного холоднее моей руки, холоднее воздуха... Его лоб был холоднее льда. Таинство смерти... В тот момент я почувствовал: в теле, которое лежит в гробу, больше нет моего дедушки. Но значит, где-то в другом месте он есть!

...Мы познакомились с дедушкой слишком поздно и знали друг друга слишком мало. Но история нашего знакомства — мистическая.

Мне было шесть лет. Мы играли в лянгу — подбрасывали ногой кусок свинца. У кого выше взлетит, тот и победил. Настала моя очередь, я поудобнее приладил свинец на ботинок, примерился — и замер.

По улице шел человек. Пожилой мужчина в сером пиджаке, в сапогах. И я вдруг бросился к нему:

— Дедушка! Ты вернулся!

Мужчина обнял меня, дал шоколадку.

Он был моим дедушкой. Он никогда не видел меня. Я никогда не видел его. Но каким-то образом мы узнали друг друга.

Мои родители познакомились в небольшом райцентре Шурчи в Кашкадарьинской области Узбекистана. После войны отец демобилизовал-

ся в звании капитана, устроился работать в местный райвоенкомат... А мама моя была из Саратовской области. В зажиточном селе Кленовые Вершины жила большая крестьянская семья. Про таких говорят: крепкое хозяйство. Но в 30-е годы говорили иначе — кулаки. У главы семьи было кожаное пальто — почти роскошь по тем временам. И местный председатель комитета бедноты на это пальто положил глаз. Дальше все было просто: семью раскулачили, сослали в Среднюю Азию... Жаль, не знаю, досталось ли пальто тому председателю комбеда. Впрочем, какая сейчас разница?

Повезло, что не отправили в лагерь. Так мои дед, бабушка и их многочисленные дети оказались в Узбекистане. Кстати, несколько лет назад вместе с Алексеем Пивоваровым я ездил в Кленовые Вершины. Алексей снимал передачу о раскулаченных крестьянах, я показывал ему наше родовое село... Ничего, кроме красивого названия, не осталось от Кленовых Вершин после раскулачивания. Когда-то крупное, богатое село исчезло полностью. Только кладбище сохранилось — такая ирония судьбы.

Историю нашего рода сейчас изучает мой троюродный брат Владимир Сагалаев: он скрупулезно выстраивает фамильное древо. Начал чуть ли не с XIII века и довел хронологию до наших дней. Никто не остался забытым: ни раскулаченные, ни погибшие во время Великой Отечественной войны, ни наши современники.

Моей маме было 12 лет, когда семья не по своей воле уехала в Узбекистан. Впрочем, жало-